
НРАВСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ ФРАНСУА МОРИАКА

Н. М. САНТРОСЯН

Семейная жизнь — главная тема романов и повестей Франсуа Мориака. В системе религиозно-этических взглядов писателя семье, как важнейшей ячейке общественного организма, отводится первенствующая роль. Тем с большей горечью наблюдает писатель-католик неблагоприятное состояние института брака и семьи, освященного авторитетом христианской церкви. Ущербное, негативное изображение семейной жизни в творчестве Мориака разворачивается с методичской последовательностью. Подобно американским критическим реалистам начала нашего столетия, вскрывавшим социальные язвы своей страны и заслужившим прозвище «разгребателей грязи», Мориака также выступает в сходной роли, но уже преимущественно в сфере семейной жизни. Мориаку, действительно, чужд благостный, умиленный взгляд на «лоно семьи», на домашний очаг. Наверное единственным исключением в этом отношении является его роман «Тайна Фронтенаков», где живописуется дружная семья, все члены которой выказывают друг к другу любовь, взаимную преданность и завидную родовую солидарность. Эта идиллическая картина семейной жизни воспринимается как некая палиодия к его же остальным произведениям.

По адресу Мориака выдвигались обвинения, особенно со стороны его соотечественников, в том, что он своими произведениями создает у читателей преувеличенно неблагоприятное впечатление о нравах современных французов, что его творчество — клевета на своих сограждан. Разумеется, нет никаких цифровых данных о количественном соотношении несчастливых семей и счастливых (надо полагать, такие тоже были и есть среди французов). И все же описанные Мориаком семейные трагедии можно считать достаточно типичными.

Корыстные, денежные расчеты накладывают свой отпечаток на супружеские связи, на отношения между родителями и детьми. Сыновья сетуют на скопидомство и скупость отцов, последние, в свою очередь, возмущаются затянувшимся иждивенчеством, тунеядством и мотовством своих отпрысков. Отвратительное зрелище взаимной подозрительности и недоброжелательности, домогательств, закулисных интриг и лицемерия являет семейство Луи из романа «Клубок змей». Его глава, преуспевающий адвокат, сознает, что для жены, многочисленных детей, внуков, зятей, невесток, он, прежде всего, дойная корова, которую надобно беречь и холить, пока она дает молоко. Он подслушивает циничные рассуждения своих наследников, которые стараются предугадать, как он собирается распорядиться своим богатством, кому сколько завещает. Они даже вынашивают планы установить над ним опеку и лишиться права распоряжаться своим состоянием, объявив его психически невменяемым. Узнав о предательстве самых близких ему людей, Луи болезненно беречь свои раны и лепечет планы изощренной мести своему семейству. Он даже решается завещать все состояние своему внебрачному сыну, которого никогда не видел, а лишь знает о его существовании. И даже убедившись после знакомства с ним, что Робер — полное ничтожество, вовсе недостойное предназначенного для него золотого дождя, Луи не сразу отступает от своего намерения, столь сильно в нем желание досадить своим близким.

В романе «Дорога в никуда», после банкротства и самоубийства Оскара Револю, владельца нотариальной конторы, мадам Костадо, водившая дружбу с его семьей, побуждает своего сына разорвать помолвку с его дочерью. С точными психологическими деталями описано душевное состояние Робера, жениха, в ком робкие утрусения

совести и чувство жалости постепенно уступают место решимости уклониться от невыгодной партии. Чтобы оправдать в собственных глазах свою измену, он начинает придирчиво выискивать во внешности, фигуре, походке, манерах и даже в туалетах Розы действительные и мнимые недостатки, которых он раньше не замечал, и девушка, казавшаяся прежде ему милой, став бесприданницей, словно, вместе с ореолом богатства утратила в глазах жениха и свою былую женскую привлекательность.

Семья, призванная быть опррой, тихой гаванью, утехой от житейских невзгод, становится местом душевных терзаний, плахой, где сосуществуют палачи и жертвы, тираны и гонимые, где глеют или бушуют взаимная ненависть, презрение, зависть, отвращение. Зачастую супружеское несчастье уже заранее обусловлено явным мезальянсом. Молодая, пышущая здоровьем Ноэми выходит замуж за физически неполноценного Жана Пелуэйра, питая к нему брезгливое чувство, и делает несчастным своего мужа-карлика и самое себя. («Поцелуй прокаженному»). Гувернантка Матильда, «окрутив» безвольного Фернана, выходит за него замуж, вопреки желанию тиранствующей свекрови, но платит дорогую цену за свою удачу, погибая при родах. («Прародительница»). Кошмарная картина домашнего ада рисуется в повести «Обезьянка». Ее героиня Поль, прельщенная перспективой престижного брака, связывает свою судьбу с отпрыском захиревшего аристократического рода де Сериз, хотя, еще невестой, прекрасно отдаёт себе отчет, что не сможет полюбить своего будущего мужа. И когда, став членом семьи барона, она сполна осознает, сколь безрадостное существование сулит ей супружество, принимается мстить за свое несчастье опостылевшему мужу, свекрови и даже собственному ребенку, в котором видит уродливый плод злополучного союза. Морально опустошенная, она быстро опускается и глушит неизбежную тоску вином и курением.

В книгах Морнака продают себя в браке и женщины и мужчины. В романе «Черные ангелы» красавец Габриэль Градер становится сутенером стареющей куртизанки, а потом выгодно женится на дурнушке, наследующей богатое поместье. Впоследствии он толкает на подобный же шаг своего сына.

Но помимо этих денежных, меркантильных расчетов, Морнак вскрывает и другие причины разлада и семейных драм. Увидеть и распознать их труднее, потому что они кроются в тайниках человеческих характеров. И когда писатель углубляется в разгадку закономерностей, по которым складывается психологический климат семьи, то он сплошь и рядом сталкивается с феноменом душевного одиночества. Одиночества вдвоем, втроем, разобщенности всех членов семьи. Люди, связанные брачными отношениями, кровными, родственными узами, десятилетиями живущие под одной крышей, едящие за одним столом, делящие одно ложе, не желают, не умеют, не решаются раскрыться друг перед другом. Способность человеческих существ передавать друг другу свои мысли и чувства, названная Сент-Экзюпери «роскошью общения», для многих морнаковских героев—роскошь недоступная и неизвестная. Проблема некоммуникабельности, столь актуальная и злободневная в литературе нашего времени, волновала Морнака еще более чем полвека тому назад¹. Невозможность высказаться, излиться перед ближними, словно проклятье, замыкает уста его героев, подавляет искренние душевные порывы, обрекает на молчание или притворство. Такое состояние морнаковских героев символизируется образами пустыни, ночи, моря. Эти слова даже входят в названия нескольких его романов: «Пустыня любви», «Дороги моря» (в русском переводе «Дорога в никуда»), «Конец ночи». Доктор Куреж пробует найти доверительный интимный тон в беседах с сыном. Однако его искренние, но неловкие попытки вызвать мальчика на откровенность терпят неудачу, и тот еще глубже замыкается в себе («Пустыня любви»). Жан Мирбель из «Фарисейки» оказывается «крепким орешком» даже для такого искушенного и пронзительного человека, как аббат Калю. Лишь после долгих и мучительных опытов удается ему подобрать ключ к сердцу этого одичавшего колючего и вконец изверившегося в людях юноши. Однако его победа оказывается далеко не полной и не окончательной.

Но отчужденность и непонятость удел не только детства. С не меньшей остротой и драматизмом проблема некоммуникабельности предстает и в мире взрослых. Луи, глава большой семьи, в окружении жены, детей, внуков, зятьев и невесток, обречен

¹ См.: М. Мольеу. François Mauriac. Denver, 1958. pp. 101—106.

на полную душевную и духовную изоляцию. Его отношения с домочадцами сводятся к обмену чисто деловой информацией, касающейся совместного домашнего быта. «Эра великого молчания», как он сам называет это состояние, началась очень давно и, похоже, продлится до конца его дней. Исследование характера и поведения этого героя подводит нас и к другой проблеме, сопряженной с дефицитом коммуникабельности—это пассивность, безынициативность доброго начала, боязнь первого шага. Именно такое свойство обнаруживается в дневниковой исповеди Луи, склонного к самому кропотливому, дотошному психологическому самоанализу. В поступках этого персонажа проявляется своеобразный «зеркальный принцип»: он становится скупым, скрытным и черствым, имея дело с жадными, лживыми и грубыми людьми. И он же бывает щедр, отзывчив и деликатен к бескорыстным, искренним и совестливым людям. Но в этом «зеркальном эффекте» он—отражающая сторона, ибо его потенциальная, подспудная доброта не проявляется априорно, а занимает выжидательную позицию и может реализоваться только как ответная, взаимная и адекватная реакция. Изоляция и самоизоляция обычно удел сложных, мятущихся, противоречивых натур. И когда им приходится вступать в тесное общение с людьми пошлыми, примитивными, лишенными духовного начала, то их взаимоотношения могут привести и к трагическому исходу, как это случается, например, в романе «Тереза Дескейру». Очень показательна эволюция, которую претерпевают реальные прототипы (как ситуаций, так и образов) под пером писателя. Толчком для сюжетного замысла здесь послужило подлинное судебное дело. Но в произведении Мориака акценты резко смещены, мотивация поступков Терезы не имеет ничего общего с криминальной адольтерной историей, страшной, и в то же время, довольно банальной.—женщина, имея любовника, хотела избавиться от мужа². Здесь причины преступления, так сказать, лежат на поверхности. Между тем, в романе Мориака, в сущности нет любовного треугольника. Мимолетное, смутное чувство симпатии к Жану Азеведо не сыграло заметной роли в роковой судьбе Терезы. Побудительные мотивы ее преступления совсем иные, они—в органической несовместимости двух антагонистических характеров. Терезу, с ее сложным беспокойным внутренним миром и напряженными духовными поисками смысла жизни, участь связала с человеком, ведущим, по сути, растительный образ жизни. Бернар превыше всего печется о своем физическом здоровье, его внимание сфокусировано на состоянии своего сердца, пищеварения, аппетита. Круг его увлечений сводится к охоте (см. ироническое сравнение с мифологическим Ипполитом), а его «культурные запросы» выражаются в том, что при посещении картинных галерей и музеев он педантично проверяет, насколько данные туристических путеводителей соответствуют наличным предметам экспозиций. В фешенебельном парижском ресторане он не может сдержать досаду на жену, не доевшую дорогие блюда, которые неизбежно станут добычей официантов³. Бескрылый практицизм, обывательский здравый смысл Бернара, безраздельный приоритет плотского начала вызывают яростный протест и презрение со стороны Терезы. Она начинает мстить за свое разочарование, озадачивая супруга язвительными репликами и вышучивая «кошунственными» суждениями его чрезмерную озабоченность состоянием своего здоровья. И хотя, в общепринятом понимании, Бернар—человек вполне добропорядочный, хороший семьянин, наделен покладистым нравом, далеко не злодей и не изверг, глухое раздражение и горечь разочарования, накапливаясь, перерастают в ненависть, она осознает, что попала в жизненный тупик, из которого невозможно выйти, не избавившись от мужа. Тереза покушается на его жизнь отнюдь не в порыве гнева, не в состоянии аффекта, но методически и с хладнокровным расчетом постепенно умерщвляет, изо дня в день подкладывая ему смертельно опасные дозы лекарства и с острым любопытством наблюдает их губительное действие.

Характер и поведение Терезы, а в еще большей степени позиция писателя по отношению к своей героине, ставят перед исследователем, да и перед читателем трудные вопросы, этические и психологические. Симпатии автора к Терезе очевидны, ему импонируют ее независимый образ мыслей, ее дерзкое пренебрежение условностями буржуазного этикета, ее острый саркастический ум. Он разделяет ее презрение к Бернару, сочувствует ее бунту против затхлого мирка провинциального мешан-

² См.: J. Robichon. François Mauriac. P. 1958, p. 66.

³ См.: Франсуа Мориака. «Тереза Дескейру»,..., Кишинев, 1984, с. 25, 30, 35.

ства (Сей видит в ее поведении выражение нонконформизма⁴, он признает ее право вырваться из домашнего ада, который тем нестерпимее, что имеет видимость тихого сменного благополучия). Но как христианин, он, как нам представляется, навряд мог дать добро насильственной смерти как способу разрешения семейного конфликта.

Книги Мориака плотно населены отрицательными персонажами. Вполне положительные герои очень редко появляются на страницах его романов и повестей и, по чистосердечному признанию самого автора, они маловыразительны и сильно проигрывают в художественном отношении. «У меня вечно выходят осечки с моими добродетельными персонажами»,—сетует писатель⁵. Впрочем, он тут же обосновывает предпочтительный интерес к грешникам и внутренним закономерностям жанра: «Сфера романиста—это человеческие страсти и, следовательно, это почти неизбежно царство греха, где должен быть замешан и дьявол»⁶.

Но кроме склонности живописать порочных людей. Мориаку предъявлялись еще более тяжкие обвинения—он не только не осуждает должным образом грешников, но, напротив, проявляет к ним непонятную, неоправданную терпимость, а порой даже недвусмысленно и явно благоволит к ним, расшатывая тем самым общепринятые меры добра и зла, и морально дезориентирует своих читателей. «Хор его католических обвинителей инкриминирует писателю любованье отталкивающими персонажами, защиту греха и сознательный подрыв общественной нравственности... Позиция Мориака перед худшими из его персонажей довольно пикантна... можно сказать даже, что для них он хранит какую-то особую нежность в душе. Ни кто иной, как он сам придумал назвать Терезу Дескейру «святой Локустой»⁷.

Как же истолковывает сам писатель нравственное содержание своих произведений? Мориака вместе с Жоржем Бернаносом и Жюльеном Грином принято причислять к группе так называемых «католических писателей». Но не следует слишком прямолинейно воспринимать этот термин применительно к автору «Терезы Дескейру». Да и сам писатель отводит от себя такое наименование, оговариваясь: «Я не католический писатель, а католик, пишущий романы». Как мы убедимся, у Мориака были очень серьезные причины для указанной оговорки. Дело в том, что мориаковские критерии добродетельности и греховности не укладываются в жесткие рамки канонической христианской этики, а порой выглядят даже парадоксальными. «Мориак не приемлет общепринятого буржуазного деления на преступников и порядочных»⁸. Действительно, глядя вдаль в пестрый, многоликий мир героев его книг, мы замечаем его милосердное, участливое отношение к неприкаянным душам, к людям, «неудобным» в общении, неуравновешенным, живущим в разладе с окружением и с самим собой, обуреваемым сильными и часто греховными страстями. И, напротив, он выказывает холодность и неприязнь к бесстрастным натурам, людям рассудительным, истовым и расчетливо осмотрительным. Но не будем забывать, что, отрекаясь от звания «католического писателя», Мориак остается «католиком, пишущим романы». Поэтому свою нравственную позицию он все же подкрепляет доводами христианской морали, ссылками и аллюзиями на библейские и евангельские притчи, вроде: «Одна заблудшая овца для пастыря дороже всего остального стада». Поэтому афоризм «не согрешишь, не покаешься», получивший в бытовом обиходе лукавый и циничный привкус, сохраняется в системе религиозно-этических взглядов Мориака свой исконный серьезный смысл. Есть люди, которым не в чем каяться, но их безукоризненная добродетельность проистекает от душевной инертности или от холодной рассудочности или от трусливой осторожности. Мориака, католика и писателя, не привлекают такие натуры. И вновь он берет себе в союзники и единомышленники Бога. «Христос отвергает вялых (Christ vomit les tièdes)—заявляет он»⁹.

Моральные воззрения писателя получают конкретное художественное воплощение во многих образах и эпизодах его произведений. Выше уже говорилось об отношении Мориака к преступнице Терезе Дескейру В романах «Фарисейка» и «Агнец» выде-

⁴ A. Séailles Mauriac. P. 1972, pp. 65—66.

⁵ François Mauriac par Lui-même. P. 1953, p. 77.

⁶ Там же. с. 54.

⁷ Truc Gonzague. François Mauriac. P. 1952, p. 16.

⁸ Там же, с. 15.

⁹ François Mauriac par Lui-même. P. 1953. p. 78.

ляется фигура Жана Мирбеля. Это—далеко не ангелоподобный юноша, резкий, постоянно ошетилившийся, с непредсказуемыми выходками, бравировший показным цинизмом, часто бывающий и грубым и агрессивным. С тем большим участием и тревожным чувством следит писатель за извилистым, с внезапными завихрениями путем этого то и дело оступающего молодого человека, ибо ему необходима помощь, а его живая душа нуждается в любви и пока еще способна любить. В романе «Судьбы» Морнак сталкивает двух героев: это Робер Лагав (Боб), любимец женщин, обаятельный и довольно беспутный, пылкий и очень импульсивный, и его антипод, «правильный» молодой человек, целомудренный и благочестивый Пьер Горнак. Последний считает своим христианским долгом сорвать любовную интригу Боба, помешать этому опасному сердцееду сблизиться с Поль. Противостоят грешник и праведник, чью сторону примет автор-католик? Казалось бы, он должен сурово осудить первого и воздать хвалу второму. Но ничего подобного не происходит. Более того, Морнак предоставляет роль морального арбитра в этом споре матери Пьера, а она выгораживает, защищает непутевого Боба от нападков, исходящих от своего родного сына! Но, быть может, роль судьи выпала не порядочному, порочному человеку, который из чувства солидарности покрывает себе подобных? Мадам Горнак облечена почетной и обязывающей должностью Председательницы Христианских Матерей. Однако, несмотря на свой официально признанный высокий моральный авторитет, в ней нет ничего от постных аскетов, проникнутых духом пуританского ригоризма. Она великодушна и терпима к чужим слабостям и заблуждениям, потому именно ей, а не ее сыну, отдает безоглядно свои симпатии писатель, она как нельзя более соответствует авторскому идеалу истинно христианской души.

Для Морнака привлекательность и ценность религии прежде всего заключается в идее деятельного милосердия, в призыве к активному человеколюбию. Всякое отклонение от этого императива гуманности уже есть в глазах писателя извращение христианского вероучения. Религия, из которой выхолощена идея доброты, перестает служить людям. Потому и глубоко чуждо Морнаку представление о гневном, неумолимом карающем божестве, возмещающем: «Мне отмщение и Аз воздам». Очень красноречив в этом аспекте следующий эпизод из романа «Пустыня любви». Умирает малолетний сын Марин Кросс, женщины, пользующейся в местном обществе дурной репутацией. Реакция одного из персонажей, мадам Куреж, на это известие—отнюдь не печаль и не сочувствие материнскому горю, а злорадное удовлетворение. Но самое омерзительное для писателя здесь то, что эта «примерная христианка» свое гадкое чувство облекает в религиозную оболочку. «Тут мадам Куреж торжествующе подняла указующий перст и произнесла: «Божественное правосудие!»¹⁰. Когда же ее муж (с которым всецело солидарен автор) в знак молчаливого протеста прерывает совместную трапезу и демонстративно покидает комнату, она недоуменно спрашивает себя «Что я сказала особенного?»

Поведение мадам Куреж—одно из многообразных проявлений ханжества. Тема фарисейства занимает очень большое место в творчестве Морнака, можно сказать даже, это один из его лейтмотивов. Писатель стремился понять, объяснить этот столь распространенный феномен извращенного религиозного мышления и поведения. Глубокий знаток истории христианской церкви, он ищет причины ее перерождения в закономерностях ее эволюции. Давно канула в прошлое героическая эра христианства, когда его адепты скрывались в катакомбах от гонений, когда их распинали на крестах или бросали на растерзание диким зверям. Эти христиане были искренними, потому что они выстрадали свою веру, закаляли ее подвижничеством и добровольным мученичеством. В современном мире люди становятся христианами механически, самим актом своего рождения. Для этого от них не требуется никаких душевных или физических усилий, ни самоотверженности. Напротив, принадлежность к официальной церкви служит своего рода охранной грамотой их социальной благонадежности. Морнак вспоминает беседу с неким священнослужителем, утверждавшим, что католицизм—это большая проезжая дорога, ведущая к небу, но что есть другие, узкие дороги для коз. Красноречива ответная реплика Морнака: «Счастливые козы!»¹¹.

Наиболее яркое, выпуклое воплощение фарисейства—образ Брижит Пьян. Персонаж этот переходит из «Фарисейки» в роман «Агнец» (подобно тому, как образ Те-

¹⁰ François Mauriac. Oeuvres romanesques. P., 1965, t. I, p. 590.

¹¹ Robichon. Указ. соч., с. 105.

резы вновь возникает в романе «Конец ночи»). Очевидно, с этим образом связаны очень важные для автора идеи. Брижит Пиан занимается филантропией и жертвует значительные суммы монастырям, школам, больницам и т. д. Ее деятельность не ограничивается официальной благотворительностью, а, принимая приватный характер, распространяется на собственную семью, друзей, знакомых. Но ее деспотический нрав, подозрительная настороженность, неспособность разобраться в деликатных обстоятельствах, топорное вмешательство в чужие дела несовместимы с высокой гуманной миссией, на которую она претендует. Юные герои романа, на которых простирается «богоугодная» деятельность Брижиты, обсуждают ее личность, ссылаясь на мнения аббата Калю: «Лучше быть грязным типом, чем такой святой, как Брижит Пиан», «Лучше в аду, только без нее, чем в раю с ней», и, наконец, про нее же «...есть люди, которые избрали себе господа бога, но весьма сомнительно, избрал ли их бог»¹². Образ Брижит Пиан задуман и выполнен как сгусток, как квинтэссенция ханжества, она и прямо названа без обиняков и околичностей фарисейкой. Но при всей однозности образ этот свободен от классицистической заданности и схематизма, в характере и поведении Брижиты есть свои сложности и противоречия. Дело в том, что у этой фарисейки начисто отсутствует самосознание собственного фарисейства. Она непоколебимо, искренне уверена в своей нравственной правоте. Поэтому ошибается, как нам кажется, Ф. Наркирьер, причисляя ее к «святошам, прикрывающим черные дела именем божьим»¹³. Суть в том, что самой Брижете незачем «прикрывать черные дела» по той простой причине, что она отнюдь не считает их «черными». Да, она плетет интриги, наушничает, шпионит, побуждает детей ябедничать, устрашает их всевозможными запретами и наказаниями. Но этот своеобразный макиавеллизм оправдан благими, по ее глубокому убеждению, намерениями и целями, кои она взлелеяла в согласии с ее жесткими и косными морально-религиозными догмами. Мы бы сказали даже, что в ее образе и судьбе присутствует известный элемент ситуативного трагизма, насколько парадоксально ни звучал бы такой термин в данном контексте. Но ведь она действительно вполне искренне надеется снискать своими деяниями благодарность и восхищение окружающих, а пожинает лишь ненависть и презрение.

В этом облике выступает ханжество в образе Пьера Горнака («Судьбы»). В уже приведенном выше эпизоде стычки с Робером Лагавом последний обзывает его тартюфом. Разумеется, не следует на этом основании усматривать типологическое сходство с мольтеровским персонажем, ибо имя это уже давно стало нарицательным и употребляется во французском языке в достаточно широком значении. В известном смысле Тартюф и Горнак даже антиподы. Один—своекорыстный притворщик, гурман и сластолюбец, обделяющий свои дела под личиной святоши, другой—молодой человек, ушедший в аскетизм, искренне посвятивший себя церкви, избравший трудную стезю миссионерства. Но воздавая должное безукоризненной нравственности этого юноши, Мориак в то же время энергично отвергает его неулыбчивое, нетерпимое отношение к человеческим слабостям. Слабостям, которые, конечно же, простил бы все понимающий, щадящий и столь либеральный мориаковский бог.

Ханжество в произведениях Мориака многолико. Наряду с активным, воинствующим фарисейством Брижиты Пиан существует и обыденное религиозное лицемерие, которое так прочно внедрилось в повседневный быт, что уже стало как бы нормой. Это—механическое выполнение обрядов и ритуальных жестов, столь же механическое произнесение молитв, обязательное посещение церкви, участие в календарных религиозных праздниках и церемониях. Тереза проиническим взором наблюдает из окна, как Бериар «торжественно вышагивает за священником» в праздничной церковной процессии. «Он выполнял свой долг христианина». Луи выражает сомнение, что поведение жены, педантично соблюдающей пост и едящей рыбу вместо мяса, радует господа бога. И еще одна сцена из того же романа, которая уже воспринимается как символическое сочетание в одном лице порочности и показной религиозности. Гюбер, тайно заключив в храме грязную сделку наследства с внебрачным сыном своего отца, затем «окунул руку в кропильницу с «святой водой», потом повернулся к алтарю и широко перекрестился»¹⁴. Таких «добрых христиан», очевидно,

¹² Там же, с. 267.

¹³ Ф. Наркирьер. Французский роман наших дней. М., 1980, с. 230.

¹⁴ Ф. Мориак. Указ. соч., с. 57, 130, 180, 913.

имел в виду Мориака, заметивший, что «есть очень много людей, которые почитают бога не сердцем, и даже не умом, а лишь памятью»¹⁵.

Уместно здесь вспомнить одну притчу позднего Льва Толстого, которому, как известно, была глубоко чужда обрядная сторона религии: три праведных отшельника обнаруживают священный дар шагать по водной глади, но, как потом выяснится, они даже не знают слова главной христианской молитвы «Отче наш».

Для отношения Мориака к ханжеству симптоматично и то, что образы святош в его произведениях крайне непривлекательны, лишены человеческого обаяния, их внешность, манера одеваться, голос, интонация, жесты, мимика, поза, походка неизбежно вызывают у читателя неприязнь, презрительное, брезгливое или насмешливое чувство. Так, в облике Брижиты Пиан бросается в глаза отсутствие женственности, чуждости, иронически восхваляется внушительная монументальность ее фигуры, импозантная стать, как бы вскользь упоминается ее нелепый, не по сезону туалет: «Сама она, несмотря на жару, была в шемизетке и тугом гипюровом воротничке, доходившем чуть ли не до ушей, над ее крупной физиономией с большими матовыми щеками высилась гора взбитых волос... Глаза у нее были черные, пристальные, жесткие, зато губы вечно улыбались, хоть она редко показывала свои длинные желтые расшатанные зубы... Двойной подбородок придавал ей величественный вид, и это впечатление величественности еще подчеркивала посадка головы, неторопливая поступь, зычный голос матери-командирши»¹⁶.

В образе Пьера Горнака выделяется специфический семинаристский дух, постная мина и речь, неприятная поступь. «Он шагал, ссутулившись, наталкиваясь на кресла, говорил слишком громко, и может быть, сам не сознавая этого, подражал своим тоном, жестами, манерами ораторам, выступающим на публичных конференциях и диспутах». Его привычки, повадки претят даже его собственной матери, о чем достаточно выразительно говорит ее реплика: «Прошу, Пьер, не хрусти так пальцами, это раздражает». Чуть позже, когда он витийствует уже перед Поль, та с ироническим восхищением замечает: —Какой вы оратор, мсье!»¹⁷

Неприязнь к семинаристскому духу сквозит и в подходе к образу Симона Дюбера («Подросток былых времен»). Этот крестьянский сын «с младых ногтей» лелеет мечту о большой карьере на клерикальном поприще. Писатель обнажает характерные атрибуты этого социального типа: грубый и, в то же время, наивный прагматизм, мелочная хитрость, настырный нрав, опасливая осторожность плембя. Но не довольствуясь таким комплексом, Мориака щедро наделяет этого героя еще и всевозможными телесными дефектами: здесь и натуралистические подробности, вроде резкого неприятного запаха тела, столь же неприятной неестественной белизны кожи, и даже патологическая шестипалость рук и ног. Вряд ли случаи такой набор черт, из которых составляется довольно неблагоприятный внешний портрет этих персонажей, порой даже производящий отталкивающее впечатление. Вероятнее, что здесь действует тенденция, за которой — стойкая антипатия автора к этой категории людей. Подобными средствами этическое развенчание ханжества в творчестве Мориака как бы дополняется и усиливается также и его эстетическим отрицанием.

В советском литературоведении утвердился взгляд на автора «Терезы Дескейру», как на бескомпромиссного критика буржуазного общества. Аналогичную оценку дают и некоторые зарубежные исследователи его творчества. По мнению Жана Робишона, книги Мориака, живописуя «гангрену, разъедающую буржуазное общество», «льют воду на мельницу коммунизма»¹⁸. Заметим, что обличительную струю всякого крупного представителя критического реализма можно направить на «мельницу коммунизма», используя ее как козырь в идеологической борьбе, нацеленной на дискредитацию капиталистического уклада. Но это еще не дает оснований для столь далеко идущих выводов, к каким приходит, например, советский литературовед Ф. Наркирьер, заявляющий, что Мориака «ясно отдавал себе отчет в исторической неизбежности коммунизма»¹⁹. Ни в художественных произведениях писателя, ни в его публицисти-

¹⁵ François Mauriac. Journal. I. Ed. Grasset. p. 83.

¹⁶ Ф. Мориака. Указ. соч., с. 229.

¹⁷ F. Mauriac. Oeuvres romanesques. P. 1965, t. 1, p. 910, 913, 909.

¹⁸ J. Robichon. Указ. соч., с. 131.

¹⁹ Ф. Наркирьер. Указ. соч., с. 254.

ческих или философских сочинениях нет ничего такого, что могло бы послужить поводом для столь рискованных политических «комплиментов».

В произведениях Мориака, действительно, изображаются преимущественно нравы крупной и средней провинциальной буржуазии. И это вполне закономерно, ибо автор, будучи сам выходцем из этой среды, наблюдал и изучал ее изнутри. По собственному признанию, он недостаточно хорошо представлял себе характер, жизненный уклад простолюдинов и потому уклонялся от широкого изображения народной жизни. Поэтому естественно стремление писателя-реалиста описывать то, что он знает наилучшим образом из личного опыта.

Скупость, алчность, эгоизм, торгашеский дух традиционно считаются исконно буржуазными пороками. Но среди персонажей Мориака, отмеченных этими изъянами, встречаются и выходцы из других сословий. Среди них—омерзительная фигура графа Адемара де Мирбея, человека жадного, своекорыстного и бездушного. Один из самых однозвучных образов Мориака—крестьянский сын Габриэль Градер, прокладывающий через трупы свой путь к богатству и преуспеянию. Вообще Мориак не склонен идеализировать деревенских жителей, их образы очень далеки от идиллических «пейзажей». На страницах его книг мелькают намеки на жуткие истории (которые он отнюдь не опровергает) о крестьянах, которые морят голодом своих зажившихся на свете престарелых родителей или тайком удушают их подушками. Все это позволяет предполагать, что писатель не связывал слишком жестко уровень нравственности с определенной классовой принадлежностью. Поэтому вполне допустимо в свете этого и такое толкование, согласно которому моральная критика Мориака не имеет узко направленный антибуржуазный адрес, а скорее носит общечеловеческий внеклассовый характер, что он оперирует вселенскими, внеисторическими категориями. Так, например, Жан Тузо отказывается видеть в нем «живописца буржуазного разложения», считая, что «когда Мориак отрицает деньги, он придает им библейское наименование. Это один из ликов Маммоны, идола, который отнимает у Бога то, что ему должен воздавать человек»²⁰.

Возлагает ли Мориак вину за порчу человечества на определенный класс и конкретную форму социальных отношений или он видит причину в вечных, изначально присущих человеческому роду пороках—вопрос этот остается проблематичным. Бесспорно другое—все его творчество пронизано искренней, неизбывной болью за людей, тревогой за их настоящее и будущее, напряженными поисками истоков человеческих трагедий, стремлением разгадать природу зла, живущего как в самом человеке, так и в окружающем его мире. В этом—главная и непреходящая гуманистическая ценность литературного наследия выдающегося французского писателя.

Ն. Մ. ԱՆՆՅՐՈՍՅԱՆ—Բարոյա-կրոնական պրոբլեմատիկան Ֆ. Մորիակի գեղարվեստական արձակում.—Մորիակի ստեղծագործության առաջատար թեմաներից է փխըմբոնման ցավոտ պրոբլեմը: Նրա հերոսները դատապարտված են օտարացման և հոգեկան մենության: Կաթոլիկ Մորիակին մտահոգում է կրոնական զգացմունքների այլասերումը: Ամենանողկալին, վտանգավորը այդ ոլորտում, ըստ գրողի, կեղծ բարեպաշտությունը և ցուցարարական անհոգի ծիսամոլությունն է: Հեղինակի ատելությունը փարիսեցիության նկատմամբ մարմնավորվում է մի քանի երգիծական կերպարների միջոցով: Շեղվելով եկեղեցական խիստ բարոյագիտական օրենքներից՝ Մորիակը ցուցաբերում է հանդուրժող ներողամիտ վերաբերմունք իր հերոսների բնական մարդկային թուլությունների, կրքերի, մոլորությունների նկատմամբ: Գրողի խոր համոզմամբ Աստծո գոյության բուն իմաստը ոչ թե հատուցող պատիժն է, այլ սերն ու գոյությունը.

²⁰ J. Touzot, Le bon gouffrier. Magazine Littéraire, № 215. 1985. février, p. 41.